
Милана
ФИРС
Я ТЕБЯ ВЫЖИВУ, сосед!
ЛЮБВИ.НЕТ

Милана Фирс

Я тебя выживу, сосед! ЛЮБВИ.НЕТ

«Автор»
2026

Фирс М.

Я тебя выживу, сосед! ЛЮБВИ.НЕТ / М. Фирс — «Автор», 2026

Обычная учительница иняза Вера приезжает в Италию, чтобы разобраться с неожиданным наследством. Она ещё не знает, что в придачу к полуразрушенной вилле бабушка завещала ей ворох семейных тайн и соседа винодела с табуном лошадей.Разочаровавшись в женщинах и жизни, молодой итальянец Лука уезжает в глушь, чтобы восстановить виноградники семьи, но его покой нарушает неугомонная русская, решившая устроить по соседству ретрит для охотниц за горячими и итальянскими парнями.

© Фирс М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 7
Глава 3 9
Глава 4 12
Глава 5 16
Конец ознакомительного фрагмента. 17

Милана Фирс
Я тебя выживу, сосед! ЛЮБВИ.НЕТ

Глава 1

Вера

Когда в самый обычный дождливый петербургский вторник, вместе с охапкой рекламных буклетов, парочкой журналов и одной несчастной газетой в школьную учительскую курьер принес мне письмо на итальянском языке, я сначала подумала, что это очередная реклама пиццерии с особенно изощренным маркетингом.

— «Studio Legale Benedetti», — прочитала я вслух, потягивая остывший кофе. — Юридическая контора... Benedetti... Благословенный. Красиво звучит.

Письмо было написано на плотной кремовой бумаге с водяными знаками — явно не из разряда «купи пиццу, получи колу в подарок». Я перевела взгляд на адрес отправителя: Позитано, Италия.

— Позитано? Где-то я это слово слышала...

Дочитав до середины письма, я поперхнулась кофе. Потом перечитала еще раз. Потом еще... На четвертый раз до меня окончательно дошло: какой-то синьор Бенедетти сообщал мне, что я являюсь единственной наследницей виллы «Белла Вита» в Позитано, оставленной мне покойной бабушкой Еленой Волковой. Я внимательно изучила каждую строчку, переводя витиеватые юридические формулировки. Синьор Бенедетти уведомлял, что согласно завещанию, составленному в день моего двадцать первого дня рождения, я получаю в наследство виллу со всем имуществом. Единственное условие — я должна лично приехать в Позитано в течение шести месяцев с момента уведомления, иначе собственность перейдет… соседу?!

— Э?! — не так чтоб глубокомысленно подытожила для себя я. Хотя, все как будто бы сходилось, кроме одного.

Елена Петровна Волкова, моя бабуля, умерла три года назад в возрасте восьмидесяти пяти лет, унеся с собой большинство семейных тайн. Ни о каком наследстве я, естественно, слыхом не слыхивала. Мама с бабулей не ладили. Уж не знаю, что приключилось в жизни бывшей балерины, но она, сразу после родов отправила мать на родину, а сама осталась там, в сытой заграничной жизни. Хотя, стоит признать, денежные отчисления на имя матери приходили регулярно, уж не знаю, как ей удавалось передавать сюда валюту и как ее тогда меняли ее балетные друзья, снабжая нашу семью деревянными. До самой смерти мама не любила вспоминать бабулю, и очень обижалась, когда я смела с ней говорить по телефону, пусть это случалось и крайне редко.

«Итальянский — это язык искусства и страсти, — всегда напоминала она. — Он пригодится тебе больше, чем ты думаешь».

— Макаронники, значит, — пробормотала я, доставая телефон.

Через час я уже знала о Позитано все, что могла выяснить в интернете. Живописный городок на Амальфитанском побережье, вертикальные улочки, разноцветные домики, цены на недвижимость, от которых хотелось упасть в обморок, и туристы, готовые продать душу за селфи на фоне лимонных деревьев.

— И посреди всего этого великолепия стоит “моя” вилла, — подхихикивая, продолжала листать сайты. — «Белла Вита» — красивая жизнь. Бабуля, ну ты даешь…

Я попыталась найти что-то конкретное о вилле «Белла Вита», но безуспешно. Только один форум для путешественников упоминал о «заброшенной старой вилле с потрясающим видом на залив», которая «портит пейзаж своими заколоченными ставнями».

Следующие два дня я провела в размышлениях. С одной стороны, кто в своём уме отказывается от виллы? С другой стороны, содержание итальянской недвижимости обходится в копеечку, а моя зарплата преподавателя иностранных языков в Санкт-Петербурге не предполагает такой роскоши.

Решение пришло неожиданно. В пятницу директор школы Нина Константиновна вызвала меня к себе и сообщила новость, которая поставила жирную точку в моих колебаниях.

— Дорогая Вера Сергеевна, — начала она с этой своей фальшивой улыбкой, — в связи с оптимизацией образовательного процесса ваша ставка сокращается наполовину.

Я моргнула.

— То есть как это?

— Ну, видите ли, количество часов итальянского языка сокращается. Спрос невелик, все больше в китайщину ударились. Зато у вас будет больше времени для саморазвития, — бодро добавила директор, явно цитируя какую-то методичку по работе с персоналом.

— Конечно, — кивнула я с самым невинным видом. — Саморазвитие. В Италии, например.

Нина Константиновна не поняла сарказма, что было даже к лучшему, а я посчитала все происходящее голосом вселенной. Раз уж не слышу ее шепот, то тычок под зад должна прочувствовать. В тот же вечер я купила билет до Неаполя.

— Ну что, бабуля, — глядя на старую фотографию, где Елена Петровна позировала в пачке перед Мариинским театром, я пробормотала себе под нос, — посмотрим, что ты там мне ещё припасла.

А ба смотрела с фотографии своими умными глазами и слегка улыбалась — так, словно собрала все тычинки и пестики вселенной и собиралась ими меня огреть похлеще, чем мешком с картошкой.

Глава 2

Если бы мне сказали месяц назад, что я буду ехать по извилистой горной дороге итальянского побережья в арендованной малютке-фиате, судорожно вцепившись в руль, и молясь всем святым, я бы рассмеялась. Но жизнь, как известно, любит преподносить сюрпризы.

— Madonna mia! — выдохнула в ужасе, когда очередной автобус с туристами промчался мимо, оставив мне ровно сантиметр свободного пространства между бампером и обрывом.

Но когда за поворотом открылся вид на Позитано, я забыла обо всех страхах. Городок спускался к морю каскадом разноцветных домиков, словно кто-то рассыпал по склону горы драгоценные камни — изумрудные, коралловые, золотистые, лавандовые. Лимонные и оливковые деревья зеленели между террасами, а внизу сверкало Тирренское море цвета расплавленного сапфира.

— Боже мой, — прошептала с восторгом, припарковавшись на единственном свободном месте. — Как же ты здесь жила, бабуля, и не звала хотя бы разочек в гости, а?!

Найти виллу оказалось непросто. Улочки Позитано больше напоминают горные тропинки, а номера домов существуют в какой-то параллельной реальности. Я больше часа плутала пока не наткнулась на пожилого синьора, продававшего лимоны.

— Bella Vita? — переспросил он, и его глаза загорелись. — Ah, la villa della ballerina russa! Elena!

Он что-то быстро затараторил по-итальянски, размахивая руками в сторону склона, и я поняла только, что нужно идти вверх. Много вверх. Много-много…

Через двадцать минут, запыхавшись и вспотев, я остановилась перед высокими коваными воротами. Табличка «Villa Bella Vita» была почти скрыта плющом, а сама вилла...

Н-да… Задор упал на полшестого. Заброшенная… если сказать мягко. Ставни закрыты, краска облупилась, сад превратился в джунгли.

— Бедняга, как же тебя время потрепало, — пробормотала я. — А была красоткой, наверное. — Даже в таком состоянии вилла поражала воображение. Двухэтажное здание в средиземноморском стиле с огромными панорамными окнами, выходящими на море, и широкой террасой, с которой открывался головокружительный вид на залив.

— Все так, это была самая красивая вилла в Позитано, — произнес чей-то голос за моей спиной на, удивительно, годном русском.

Подпрыгнув от страха я развернулась и увидела женщину лет шестидесяти с седыми волосами, собранными в элегантный пучок, и добрыми карими глазами. На ней было простое голубое платье, но держалась она с достоинством королевы.

— Простите, вы говорите по-русски? — удивилась я.

— Конечно! — рассмеялась женщина. — Изучала в университете, да и Елена со мной часто практиковалась. Я Розалия Лоретти, приехала в гости к сыну, он живет вон в том доме. — Она указала на соседнюю виллу, утопающую в цветах. — А вы, наверное, внучка Елены? Вера?

— Откуда вы знаете?

— Она так много о вас рассказывала!

— Да неужели? — выгнув бровь, я постаралась скрыть удивление.

Розалия достала из сумочки ключи и протянула мне.

— Нотариус передал. Сказал, что вы приедете. Пойдемте, покажу вам дом. И не пугайтесь — внутри все выглядит получше. Мой сын Лука присматривал за виллой все эти годы.

Мы прошли через заросший сад, где между сорняками все еще цвели розы и жасмин. Аромат был опьяняющим.

— Елена обожала этот сад, — рассказывала Розалия, отпирая входную дверь. — Могла часами возиться с цветами. Говорила, что в России такого солнца не бывает.

Что ж, внутри вилла и правда выглядела гораздо лучше, чем снаружи. Пыльно, конечно, но мебель под чехлами, полы из мрамора и терракоты прикрыты пленкой, и эти невероятные окна, через которые лился золотистый свет!

— Мадонна, как красиво! — ахнула я, глядя на гостиную с камином и французскими дверьми, ведущими на террасу.

— Елена всегда говорила, что этот дом создан для счастья, — улыбнулась Розалия. — Она была такой жизнерадостной, такой страстной. Когда ее не стало весь Позитано плакал.

— Вы явно знаете мою бабулю лучше, чем я сама.

— Она расскажет вам сама, когда будете готовы.

— Но она же умерла… — по спине побежал холодок. Еще не хватало сцепиться с полоумной итальянкой в заброшенном доме. И никто не знает, что я вообще здесь!

— Дом помнит, — загадочно произнесла Розалия. — Стены хранят истории.

Видя мое явно озадаченное лицо, синьора рассмеялась:

— О, милая, я не чокнутая. Просто, — она пожала плечами и подмигнула, — верю в судьбу, в любовь и чудеса. Пойдемте.

Мы обошли всю виллу — спальни с видом на море, кухню с традиционной итальянской плиткой, даже маленькую библиотеку. В главной спальне на комоде стояла фотография: молодая женщина и темноволосый мужчина в легкой рубашке, обнимающиеся на фоне моря.

— Ваша бабушка и Джованни, — тихо сказала Розалия. — Художник. Он жил здесь, в Позитано. Они так любили друг друга...

— Полагаю, это и есть мой дед? — больше у самой себя, чем у спутницы спросила я, но та, удивительно, ответила.

— Он умер пять лет назад. Елена всю жизнь была его любимой женщиной, хоть он был и вынужден жениться на другой. Это он подарил ей виллу. Приезжал из столицы на каждые выходные.

— Похоже, вы знаете больше моего о моей же семье.

— О, за их любовью весь Позитано наблюдал, сами понимаете, городок маленький. Все друг друга знают, так что будьте готовы, завтра с вами весь город будет здороваться как с родной… — Она немного помолчала, рассматривая фото. — Мы всё надеялись, что два любящих сердца смогут воссоединиться. Но увы, в те времена династические браки, деньги, а не чувства были более ведомой причиной.

— А что ваш сын? В завещании говориться, что если наследство приму не я, то все перейдет соседу. Это он?

Лицо Розалии приобрело выражение, которое я бы назвала «страдающая мать».

Глава 3

— Ах, Лука... — вздохнула она. — Он хороший мальчик, но очень упрямый. После развода стал таким... неприступным. Даже со мной общается через раз. А уж с незнакомыми людьми... Но с вашей бабушкой он дружил! Она была единственная, кто мог заставить его улыбнуться. Может, и вы сможете растопить его ледяное сердце.

— Не уверена, что мне это нужно, простите. Я приехала разобраться с наследством, а не растапливать чьи-то сердца.

Розалия хитро прищурилась.

— Знаете, Елена как-то сказала мне странную фразу: «Моя Вера приедет сюда не просто так. Судьба пошлет ей то, что нужно». Тогда я не поняла, что она имела в виду.

— И что же она имела в виду? — разговор начал напрягать. Я и дома не любила это вечное: “когда замуж” или “посмотри на соседа Толика, какой мужик, не пьющий” и, надо же, страны меняются, а свахи везде одинаковые!

— Поживете — увидите, — рассмеялась Розалия. — А пока хочу вас предупредить и попросить об услуге: будьте снисходительны к Луке. Он может показаться грубым и нелюдимым, но это защитная реакция. Внутри он очень ранимый.

— Ранимый грубиян? Интересный коктейль…

— На все есть причина. Он очень хотел купить эту виллу. Предлагал хорошие деньги. Только поэтому ваше появление может его не обрадовать.

— Ясно… — протянула я. — что еще мне нужно знать о вашем сыне?

— О, нет, о не будет пакостить или что-то в этом роде, не волнуйтесь. Вообще, он очень занят, даже в этой глуши нашел себе кучу дел! У него небольшая винодельня, делает превосходное вино. Очень талантливый, но… Работа, дом, лошади — и никого рядом. А ему всего тридцать четыре года! В его возрасте нужно жить, любить, а не прятаться от мира.

Я кивала, мысленно отметив, что соседский затворник грубиян — это именно то, чего мне не хватало для полного счастья!

— Может, стоит познакомиться, раз мы теперь соседи и закроем вопрос? Тем более, я так понимаю, мне в любом случае, в первое время понадобиться хотя бы какая-то коммуникация. Я не так чтоб располагаю внушительными средствами, поэтому арендовала жилье, планируя остановиться здесь.

— О да, он всегда дома после шести. Но я вас предупреждаю — он не очень общительный. Особенно с... — она оглядела меня с ног до головы, — с молодыми красивыми женщинами.

Мне стало почему-то очень смешно. Что ж там за Бармалей такой?

— Спасибо за комплимент, конечно, но это несколько настораживает.

— О, нет-нет, это связано с его бывшей. Долгая история… Кажется я уже болтаю лишнее… — она поежилась. — Хотите пойдем к вилле вместе? Познакомлю вас?

— Я бы хотела немного побыть одна, если не возражаете? Обязательно подойду, где-то через полчаса, идет?

— Да-да, конечно, я как раз успею охладить лимончелло!

Когда Розалия ушла, я осталась одна в тишине старой виллы. Солнце клонилось к закату, окрашивая море в золотые и розовые тона. Хотелось бросить вещи и вприпрыжку нестись к морю, искупаться. Но, это уже завтра. Впереди меня ждала ночь и все же стоило познакомиться со странным соседом. Это было более приоритетно. Я быстро поправила волосы, сбрызнула запястья духами и направилась к границе участков. Между виллами проходила узкая тропинка, ведущая к конюшням, которые я заметила еще днем.

Я шла медленно, наслаждаясь мягким золотистым светом заката, когда услышала цокот копыт. Обернувшись, увидела всадника, спускающегося по склону.

Дыхание перехватило.

Мужчина ехал на великолепном вороном жеребце, держась в седле с той естественной грацией, которая выдает прирожденного наездника. Темные волосы не были длинными, но явно над ними работал стилист, белая рубашка была расстегнута у ворота, а рукава собраны у локтей обнажая загорелую кожу. В свете заката он выглядел как герой старинной итальянской новеллы — опасный, притягательный, совершенно недоступный!

Я замерла, завороженная этим зрелищем даже рот открыла. Он ехал прямо на меня, и с каждым мгновением становился все прекрасней и внушительней. Темные глаза смотрели с легким прищуром, и в них читалось удивление, смешанное с чем-то еще... раздражением?

Жеребец поравнялся со мной и остановился. Мужчина склонился в седле, изучая меня взглядом, от которого по спине пробежали мурашки.

— Заблудились, синьорина? — спросил он, и в голосе слышались насмешливые нотки.

Нервно сглотнув, уже было открыла рот, чтобы ответить, но тут из-за камня выползла огромная ящерица. Зеленая, блестящая, размером с небольшую кошку, она остановилась прямо у моих ног и уставилась на меня немигающими глазами. Явно тоже желала услышать ответ, не иначе!

— АААААА! — завопила я на весь Позитано, инстинктивно отпрыгивая назад.

Жеребец шарахнулся от моего воя, встал на дыбы, громко заржал и начал крутиться на месте. Мужик, ругаясь по-итальянски, пытался успокоить коня, а я, пятясь от ящерицы, споткнулась о камень и с грохотом приземлилась на задницу, подвернув при этом левую лодыжку.

— Черт! — чувствуя резкую боль в ноге взвыла еще громче.

Мужчина мгновенно спешился и оказался рядом со мной. Он опустился на колени, и я почувствовала аромат его одеколона — что-то древесное, с нотками цитруса и моря.

— Где болит? — спросил он, и голос его стал совершенно другим — мягким, обеспокоенным.

— Лодыжка, — пробормотала смущенно потирая ушибленное место.

Его руки легли на мою ногу, пальцы были сильными, но прикасались с невероятной нежностью. Он осторожно снял мою сандалию и начал аккуратно ощупывать лодыжку, проверяя, нет ли перелома.

— Двигайте стопой, — велел этот жереб… пусть будет прекрасный представитель итальянского сильного пола, поддерживая мою ногу.

Я послушалась, и хотя было больно, кость явно была целой.

— Небольшое растяжение, — диагностировал он, не убирая рук. — Ничего серьезного.

Его прикосновения были профессиональными, но от них волны тепла расходились по всему моему телу. Я смотрела на его склоненную голову, на длинные ресницы, на губы, сосредоточенно сжатые, и чувствовала, как сердце бешено колотится.

Затем он поднял глаза, и наши взгляды встретились. На мгновение время остановилось. В его темных глазах мелькнуло что-то похожее на удивление, словно он тоже почувствовал эту странную связь между нами… Но через секунду выражение его лица изменилось. Резко убрав руки с моей ноги, он поднялся на ноги.

— В следующий раз постарайтесь не орать раненой чайкой, — сказал он холодно. — Из-за вас конь мог серьезно пострадать.

— П – простите? — я моргнула, не веря своим ушам. — Конь?

— Здесь живут ящерицы, синьорина Волкова. Они безвредны. А вот ваши вопли способны перепугать всю округу.

Он протянул мне руку, чтобы помочь подняться, но голос его был полон презрения.

— И еще один совет. В следующий раз не шляйтесь по чужим владениям без спроса. Эта дорога ведет к моим конюшням.

— Я не шлялась, — процедила сквозь зубы, схватилась за его руку и поднялась, пытаясь встать на больную ногу. — Я шла знакомиться с соседом. Судя по всему вы и есть он! Но, видимо, напрасно потратила время.

— Видимо, — согласился он, но в глазах снова мелькнуло что-то неопределенное.

Мы стояли очень близко. Я чувствовала тепло его тела, видела золотистые искорки в темных глазах, ощущала его дыхание. Между нами словно проскакивали электрические разряды, и я была уверена, что он тоже это чувствует. Ну почему меня всегда тянет к таким коз… назовем их упертыми, мужикам?! Что за несправедливость?

— Доберетесь до дома? — спросил он чуть мягче.

— Доберусь, — гордо ответила я, хотя лодыжка пульсировала от боли.

Я сделала шаг вперед, пытаясь показать, что все в порядке, но как только попробовала опереться на больную ногу, острая боль пронзила лодыжку. Я невольно ойкнула и схватилась за ближайший камень, чтобы не упасть снова.

— Как я и думал, — сухо произнес Лука. — Типичная городская принцесса. Не можете даже по тропинке пройти, не покалечившись.

— Ч-что вы делаете? — запротестовала, когда он подхватил меня под руки.

— То, что должен, раз уж наблюдал за этим цирком, — буркнул он.

Прежде чем я успела что-то сказать, сосед легко поднял меня и усадил в седло.

— Куда вы собрались меня отвезти?!

— Сидите смирно, — приказал он, взяв коня под уздцы. — Или хотите, чтобы я привязал вас к седлу?

— Вам обязательно быть… таким?

— Таким внимательным? Побеспокоиться о соседке, решившей свернуть шею у моего дома? — Он начал медленно вести лошадь по тропинке, — сомневаюсь, что в заброшенной вилле найдется эластичный бинт или хотя бы лед. Или вы настолько предусмотрительны, что взяли с собой походную аптечку? Часто падаете?

Я сжала зубы, понимая, что он прав. Конечно, я не взяла никаких медикаментов. Кто же знал, что первым делом в Позитано умудрюсь покалечиться?

— Это ненадолго, — продолжил он, не глядя на меня. — Зафиксирую лодыжку, дам обезболивающее, и можете катиться обратно в свою виллу.

— Как мило с вашей стороны...

— Не хочу, чтобы по округе ходили слухи, что я не помог пострадавшей туристке. Плохо для репутации. — Мы подошли к его вилле — красивому дому в тосканском стиле, окруженному виноградниками. У входа он остановился и повернулся ко мне. — И да, в свете этого, не волнуйтесь, — сказал он с ледяной усмешкой, — как женщина вы меня совершенно не интересуете. Так что оставаться со мной наедине вам совершенно безопасно. Да и, насколько знаю, сейчас в доме находиться моя мать.

Я почувствовала, как краска заливает щеки, и сжала кулаки, чтобы не поддаться искушению врезать ему по этому самоуверенному лицу.

Глава 4

Надо отдать должное — каким бы невыносимым и грубым ни был Лука Лоретти, он оказался на удивление предусмотрительным. Когда я проснулась на следующее утро в единственной комнате виллы, где удалось более-менее расчистить кровать от пыли, свет включился с первого же щелчка выключателя.

— Не может быть, — пробормотала, глядя на горящую лампочку, как на восьмое чудо света.

В ванной из кранов побежала вода — сначала ржавая, но минут через десять уже чистая и даже теплая. Я умылась и почистила зубы с таким благоговением, словно это были священные ритуалы.

На кухне меня ждал еще один сюрприз: на столе стоял термос с кофе, корзинка со свежими круассанами и записка на ломаном русском: «В честь приезда и для быстрой поправки. Р.»

— Розалия, — улыбнулась я, откусывая круассан. — Хитрая донья.

Лодыжка все еще побаливала, но опухоль спала. Эластичный бинт, которым обмотал ногу хамоватый сосед, держался крепко, и я могла передвигаться почти без боли.

После завтрака я решила наконец как следует обследовать свои владения. Вчера, в компании Розалии, удалось рассмотреть виллу лишь поверхностно, больше слушая ее рассказы о бабуле. Теперь же хотелось понять, что именно досталось мне в наследство.

Я медленно побрела по дому, изучая планировку и мысленно делая пометки, в какую копеечку мне обойдется ремонт. Возможно проще продать, чем отстроить…

Помимо гостиной, кухни и трех спален, я обнаружила кладовую, небольшую мастерскую с мольбертом и засохшими красками, и еще одну комнату, которую вчера не заметила. Дверь была скрыта за тяжелой портьерой и едва различима в сумрачном коридоре.

Комната оказалась кабинетом — с письменным столом, книжными полками и старинным секретером у окна. Здесь царил особый полумрак, несмотря на солнечный день. Тяжелые шторы надежно укрывали помещение от любопытных глаз.

— Что же ты здесь прятала, бабуля? — пробормотала я, подходя к секретеру.

В верхнем ящике лежали какие-то документы на итальянском — счета, справки, записи. Во втором — россыпь фотографий и... письма. Много писем, перевязанных голубой лентой. Пара из них была не в стопке, очевидно ба их часто перечитывала.

Я осторожно взяла одну из фотографий. На ней была ба в молодости — высокая, стройная, с идеальной осанкой балерины. Она стояла на фоне моря в легком белом платье, и ветер играл ее волосами. Даже на черно-белом снимке было видно, как сияют ее глаза.

— Боже мой, — прошептала я. —Ты была красавицей!

На следующей фотографии она уже была не одна. Рядом с ней стоял мужчина — высокий, темноволосый, с открытым лицом и добрыми глазами. Они обнимались, и было видно, что между ними искрит что-то особенное. На обороте кто-то написал: «Елена и Джованни, август 1965, Позитано».

Я принялась разглядывать снимки один за другим. Елена и Джованни на террасе этой самой виллы. Елена в балетной пачке на сцене какого-то театра. Джованни за мольбертом, рисующий портрет Елены. Они вдвоем в лодке на фоне скал Амальфитанского побережья…

В руках у меня была целая история любви, рассказанная через объектив фотоаппарата. И в каждом кадре — такое счастье, что сердце сжималось от щемящей нежности.

Я развязала ленту, державшую письма. Первое было датировано маем 1965 года.

«Моя дорогая Леночка, — читала я, переводя с итальянского. — Прошло уже три дня с тех пор, как ты уехала в Рим на гастроли, а я все еще чувствую твои губы на своих. Позитано без тебя кажется черно-белым. Все краски ушли вместе с тобой...

Я каждый день хожу на наш пляж и представляю, как ты бежишь ко мне по воде, смеясь именно тем смехом, который заставляет мое сердце переворачиваться в предвкушении почувствовать тебя в своих объятиях. Клянусь, когда ты вернешься, я нарисую тебя в каждом оттенке заката, что видел за эти дни...

Твой навеки, Джованни»

Из писем я узнала, что Джованни происходил из знатной римской семьи, уже был помолвлен с девушкой из своего круга, когда встретил советскую балерину. Что семья категорически не принимала его выбор. Что Елена мучилась, понимая невозможность их союза, но не могла отказаться от этой любви.

«Я знаю, что поступаю эгоистично, — писала она в ответном письме, — но не могу представить жизнь без тебя. Ты — мой воздух, моя музыка, мой танец. Рядом с тобой я чувствую себя живой по-настоящему...

Ничего не могу с собой поделать, мечтаю о доме, где мы могли бы быть просто мужчиной и женщиной, а не представителями разных миров. О месте, где наша любовь не была бы грехом или предательством, а просто... любовью»

Дальше письма обрывались на несколько лет. Следующая пачка была датирована 1968 годом.

«Моя единственная, — писал Джованни, — я не могу больше выносить эту разлуку. Семья принуждает меня к свадьбе, говорят о долге, о чести рода... Я вынужден связать свою жизнь с другой, но мое сердце и душа всегда будет принадлежать тебе. Мы с ней все обговорили. Для нее это такой же династический брак, без чувств. Она знает о тебе и не против…. Милая, знаю, что предложением, которое озвучу ниже ставлю тебя в заведомо унизительное положение и пойму, если ты не захочешь мне ответить…

Я купил небольшую виллу в Позитано. Она стоит на утесе, и из ее окон видно то самое место у моря где мы впервые поцеловались. Я назвал ее "Белла Вита" — красивая жизнь. Это будет наш дом, наше убежище. Место, где время остановится, и мы сможем просто любить друг друга...

Приезжай, моя дорогая. Пусть весь мир считает это безумием, но разве любовь когда-нибудь была разумной?»

Я опустила письмо. Значит, вот как появилась вилла «Белла Вита»… Бабушка сделала выбор.

В нижнем ящике секретера я нашла еще один сюрприз — толстый фотоальбом в кожаном переплете. На первой странице — снимок виллы в первые дни после покупки. Совсем новая, сияющая белизной стен, с ухоженным садом и террасой, утопающей в цветах.

Я листала страницы, наблюдая, как вилла наполнялась жизнью. Елена в саду, поливающая розы. Джованни на террасе с бокалом вина. Они вдвоем у камина в гостиной. Праздничный стол на Рождество. Друзья-художники, музыканты, актеры — богемная жизнь южной Италии шестидесятых...

А потом... пустые страницы. Альбом обрывался где-то в середине семидесятых.

Последние письма объясняли почему.

«Джованни, дорогой, — писала Елена, и почерк ее заметно изменился, стал более резким, нервным. — Сегодня врач подтвердил мои подозрения. У нас будет ребенок.

Я не знаю, радоваться мне или плакать. С одной стороны, это плод нашей любви, маленькое чудо, которое соединит нас навеки. С другой... я понимаю, что не смогу воспитывать ребенка здесь, в этой неопределенности. Твоя жена и особенно отец будут очень недо-

вольны. То, что они терпели нас столько лет, не значит, что потерпят дитя. Ребенку нужна семья, забота и имя...

Я приняла решение. Уезжаю в Ленинград. Буду рожать дома, в России. Не пытайся меня найти и переубедить. Ты знаешь, что я права»

Ответ Джованни был полон отчаяния:

«Елена, не делай этого! Мы найдем выход, обязательно найдем! Да, я не могу дать ребенку свое имя официально, но он будет расти в любви, в красоте, в этом доме, который мы создавали вместе...

Ты говоришь о стабильности, но разве любовь — не самая прочная основа для жизни? Разве наш ребенок не будет счастливее, видя каждый день, как любят друг друга его родители?

Прошу тебя, вернись. Я готов на все, даже на прямую конфронтацию с отцом, с ее семьей и своей, если это нужно. Только не уходи из моей жизни навсегда...»

Но Елена была непреклонна. В последнем письме, коротком и жестком, она просила Джованни не искать ее, не писать, забыть о том, что между ними было.

«Это лучше для всех, — писала она. — Для тебя, для меня, для ребенка. Вилла останется. Пусть она хранит память о нашем счастье. Может быть, когда-нибудь...»

Письмо обрывалось на полуслове.

Я закрыла альбом и откинулась в кресле, пытаясь переварить то, что узнала. Значит, у меня был дед. Итальянец, художник и… мужик любящий комфорт и бабло больше, чем женщину, которая положила всю свою жизнь ему под ноги! Ведь она же в итоге вернулась. Бросила дочь, но все равно вернулась к нему. Неужели его семейка и правда была настолько опасной, что советское, голодное детство было предпочтительнее для мамы, чем жизнь здесь?

Внезапно многое стало понятно. Почему мама никогда не говорила об отце. Почему она так странно реагировала на любые упоминания об Италии. Почему не хотела, чтоб я учила язык…

— Она знала, — прошептала я. — Все эти годы она знала правду и молчала.

Я поднялась и подошла к окну. Внизу, на соседней территории, виднелись виноградники Луки. Где-то там, между лозами, паслись лошади. Мирная, размеренная жизнь… которой у нее никогда не было. Я оглянулась, вновь рассматривая стены кабинета. Здесь, в этом доме, когда-то кипели страсти, принимались решения, ломались судьбы…

Внезапно в голове начала формироваться идея. Сначала смутная, потом все более отчетливая.

— Bella Vita, — произнесла я вслух. — Красивая жизнь...

Что если... что если не продавать виллу? Что если вернуть ей жизнь, но не совсем тихую?

Я снова села за стол и взяла чистый лист бумаги. Начала записывать:

«Бутик-отель "Белла Вита". Место, где встречаются культуры. Где русская душа соединяется с итальянской страстью...

Для тех, кто ищет не просто красивый отдых, а новую главу в своей жизни. Для тех, кто готов к переменам, к встречам, к открытиям...

Уютные номера с видом на море. Завтраки на террасе под лимонными деревьями. Экскурсии по местам, которые помнят великие истории любви...

А главное — атмосфера, где каждый гость почувствует себя героем собственной итальянской новеллы»

Чем больше я писала, тем больше воодушевлялась. Это было то, что нужно! Не просто отель, а место с историей, с душой. Место, которое позволило бы сохранить дух виллы, сделать ее снова живой, наполнить новыми историями и дать воспоминания. Возможно, кому-то второй шанс для любви, а кому-то место для первой, судьбоносной встречи?

Конечно, потребуются большие вложения. Реставрация, лицензии, персонал... Но ведь не зря же Елена завещала мне этот дом? Она верила, что я смогу дать ему новую жизнь. Если сдать квартиру в Питере или, вообще, продать, должно хватить на основные работы. А вдруг кроме дома, у ба были и денежные активы, которые можно пустить в реставрацию и задумку?

Оторвавшись от записей, взглянула в окно, представляя террасу, заполненную смеющимися гостями. Гостиную, где по вечерам звучит музыка и читаются стихи. Сад, где снова цветут розы и созревают лимоны… уютные тихие завтраки и вечера, наполненные ароматом мяса, вина и салатной зеленью.

— Да, — сказала я решительно. — Именно это я и сделаю.

Единственное препятствие — сосед. Лука Лоретти вряд ли обрадуется шумному отелю по соседству. Но, может быть, если объяснить ему концепцию... Ведь это будет не массовый туризм, а нечто особенное, камерное… Бутик-отель, для особенных людей. Кому не подходит олл инклюзив. Здесь будет больше про ретрит, наполненность и смыслы. Поиск себя, своей ценности…

— Хотя, учитывая его вчерашнее поведение, договориться с ним будет непросто. — Мрачно пробубнила себе под нос, подходя к окну. За широкой кроной деревьев виллу соседа было видно не очень хорошо. — Но, погодите, это же моя собственность, в конце концов! Вдали послышалось ржание лошади. — Оу, а ведь это идея! Что если предложить ему сотрудничество? У него есть лошади и виноградники. Это ж поездки на лошадях в горы. Иппотерапия! Можно включить винодельню в буклет или дегустацию. Камерный вечер на берегу моря… Ух! Сколько всего можно сделать, если объединиться! Возможно, у нас больше общего, чем кажется на первый взгляд…

Завтра я поговорю с ним. Расскажу о своих планах и предложу сделку!

Глава 5

Не иначе как Вселенная решила встать на мою сторону! Следующим утром меня разбудил телефонный звонок Розалии, аромат жареного мяса и звуки итальянской речи, доносящиеся из сада Луки. Выглянув в окно, я увидела, что мамуля моего соседа хлопочет у большого гриля, а ее сын перетаскивает столы и стулья на террасу. Даже на расстоянии было видно, что он двигается с явной неохотой.

— Cara mia! — воскликнула Розалия, как только я нажала на кнопку приема вызова. — Надеюсь, вы не против небольшого барбекю? Хочу познакомить вас с соседями, да и Луку заставить нормально пообщаться с людьми. Мой упрямый сын позавчера повел себя не лучшим образом. Я бы хотела чтоб вы по-соседски уладили недоразумение.

— Не волнуйтесь, я не обижаюсь на мужчин в плохом настроении. У меня есть опыт работы в школе. Поверьте, там разновозрастных мужчин в разной степени упрямости вдоволь.

— Вот и отлично! — она заливисто рассмеялась. — Значит, умеете находить подход к детям. Порой мне кажется, что мой мальчик точно не вышел из школьного возраста, — она немного помолчала, — того, где дергают понравившихся девочек за косички и два слова сказать не могут. Особенно удивительно это, когда на красноречие в других обстоятельствах не жалуются…

— Я поняла, да. — стало несколько неловко. Уж что-что, а симпатию ко мне новый знакомец явно не испытывал. И сквернословное “красноречие” этот Бармалей освоил более чем. Но не будем портить настроение милой женщине. В конце концов он ее сын.

— Так вы придете?

— Да. Буду. Уже бегу собираться.

Через час я стояла перед зеркалом, примеряя единственное приличное платье, которое взяла с собой — легкое, цвета морской волны, подчеркивающее загар и открывающее плечи. В России я редко носила такие наряды, но здесь, под итальянским солнцем, хотелось выглядеть женственно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.